

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

А. Н. Кононов

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ. 1917—1967

1. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ

Русская дореволюционная тюркология, развивавшаяся после создания факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1854—1855) преимущественно в Петербурге, трудами ряда выдающихся ученых прошлого и нынешнего столетий — О. И. Сенковский, П. И. Демезон, А. О. Мухлинский, В. В. Григорьев, П. С. Савельев, В. В. Вельяминов-Зернов, А. К. Казем-бек, О. Н. Бётлингк, В. В. Радлов, И. Н. Березин, Н. И. Ильминский, Л. З. Будагов, В. Д. Смирнов, П. М. Мелиоранский, В. В. Бартольд, Н. И. Ашмарин, Н. Ф. Катанов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Э. К. Пекарский и др. — создала прочный фундамент для развития тюркологических исследований в послеоктябрьскую эпоху.

Подводя итоги научно-исследовательской деятельности русских востоковедов, В. В. Бартольд писал: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе»¹. Это утверждение относится и к русской тюркологии дооктябрьской эпохи.

В XIX столетии, особенно во второй его половине, был собран и изучен огромный лингвистический материал, который позволил создать труды по фонетике, морфологии, синтаксису, лексикографии тюркских языков. Напомним некоторые из них: известные грамматики, которыми тюркологи с признательностью пользуются и поныне: А. К. Казем-бек, «Общая грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1846); О. Böhlingk. «Ueber die Sprache der Jakuten» (I—II, St.-Pbg., 1848—1851); «Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии» (Казань, 1869); работы Н. И. Ашмарина по чувашскому языку; капитальное исследование по «урянхайскому» (тувинскому) языку: Н. Ф. Катанов, «Опыт исследования урянхайского языка» (Казань, 1903);

¹ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925, стр. 232.

словари, составившие эпоху в истории тюркской лексикографии, не имеющие себе равных в западноевропейской тюркологии: И. Гиганов, «Словарь российско-татарский» (СПб., 1804); А. Троянский, «Словарь татарского языка» (Казань, 1833; изд. 2: Казань, 1835); В. В. Вельяминов-Зернов, «Словарь жагатайско-турецкий» (СПб., 1868); Л. З. Будагов, «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (т. I—II, СПб., 1869—1871); В. И. Вербицкий, «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (Казань, 1884); В. Наливкин, «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь» (Казань, 1884); В. В. Радлов, «Опыт словаря тюркских наречий» (т. I—IV, СПб., 1888—1911); Н. И. Ашмарин, «Словарь чувашского языка» (вып. I—XVII, Казань—Чебоксары, 1928—1950; составление словаря начато в начале XX в.); Э. К. Пекарский, «Словарь якутского языка» (СПб., Л., 1907—1930).

Новую — Радловскую — эпоху в истории мировой тюркологии открыла научная деятельность В. В. Радлова (1837—1918), который ввел в научный обиход огромный материал по тюркским языкам («Образцы народной литературы тюркских племен» в 10 томах); создал первую сравнительную фонетику тюркских языков, составил словарь тюркских языков; перевел, исследовал и издал все главные рунические памятники и ряд памятников древнеуйгурской письменности и многое другое.

В. В. Радлов окончательно утвердил филологическое направление в отечественной тюркологии, которое отличалось широким интересом к изучению памятников и живых тюркских языков.

Лингвистическое направление в русской тюркологии связано с именем санскритолога О. Н. Бётлингга (1815—1904), создателя классической грамматики якутского языка. В конце XIX — начале XX в. это направление представлял выдающийся тюрколог-лингвист П. М. Мелиоранский (1868—1906), ученики которого (А. Н. Самойлович и др.) продолжали, однако, традицию общепилологического направления.

Великая Октябрьская социалистическая революция обогатила науку новыми идеями, новой методологией, которые решительно изменили характер востоковедческих исследований. В связи с новыми задачами возникли и новые учреждения, которые вместе со старыми учреждениями старались сосредоточить свои усилия на решении новых задач.

2. ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ С ПРЕПОДАВАНИЕМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ПЕТРОГРАДЕ — ЛЕНИНГРАДЕ

Центром подготовки востоковедов начиная с сентября 1855 г. был факультет восточных языков С.-Петербургского — Петроградского университета, который в сентябре 1919 г. в со-

ответствии с постановлением Наркомпроса был вместе с историко-филологическим и юридическим факультетами университета, а также с Археологическим институтом, Историко-филологическим институтом и соответствующими факультетами Бестужевских высших женских курсов преобразован в Факультет общественных наук (ФОН) Первого Петроградского университета². ФОН состоял из шести отделений: политико-юридического, социально-экономического, философского, исторического, филологического, этнолого-лингвистического. Востоковедные дисциплины преподавались на четырех последних отделениях.

Чрезвычайно громоздкий Факультет общественных наук не оправдал возлагавшихся на него надежд. С осени 1921 г. ФОН получил новую структуру (5 отделений): общественно-педагогическое, этнолого-лингвистическое, литературно-художественное, правовое, экономическое.

Востоковедные дисциплины преподавались главным образом на этнолого-лингвистическом отделении и лишь отчасти на общественно-педагогическом и литературно-художественном отделениях. С 1 июля 1922 г. было учреждено шестое — археологическое — отделение³.

Этнолого-лингвистическое отделение делилось на следующие секции: секция языков ирано-арабско-турецкой (т. е. тюркской. — А. К.) культуры (А. Н. Самойлович вел начальный курс турецкого языка, введение в изучение тюркских языков и народов, начальный курс чагатайского языка); секция языков дальневосточной культуры; секция языков культуры древнего мира; секция языков сиро-кавказско-византийской культуры; секция этнолого-лингвистических знаний⁴.

С августа 1921 г. по 1923 г. при Петроградском университете функционировал Научно-исследовательский институт сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока имени Александра Николаевича Веселовского, задачи которого определялись самим его названием; в числе шести секций Института была и Восточная⁵ (с 1923 по 1929 г. — Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ); в 1930 г. переименован в Институт речевой культуры; ликвидирован в 1932 г.)⁶.

² В. В. Мавродин, Н. Г. Сладкевич, Л. А. Шилов, Ленинградский университет. Краткий очерк, Л., 1957, стр. 60.

³ «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922», Пг., 1923, стр. 34—35.

⁴ Там же, стр. 35—41.

⁵ Там же, стр. 15—16.

⁶ «Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947», Л., 1948, стр. 356.

В 1925 г. ФОН был преобразован в Факультет языкознания и материальной культуры (Ямфак) Ленинградского государственного университета со следующими циклами: цикл языков и литератур Восточной Европы, цикл языков и литератур Западной Европы, цикл древнего мира, цикл культур Востока; исторический цикл.

Тюркская филология, как и другие востоковедные дисциплины, преподавалась на четвертом цикле (А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев)⁷.

В 1929 г. Ямфак был преобразован в историко-лингвистический факультет (ФИЛ), который в 1930 г., во время выделения из университета отраслевых вузов, был реорганизован в Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ). В ЛИЛИ востоковедение в целом и тюркология в частности занимали в программе преподавания незначительное место. В 1933 г. ЛИЛИ превратился в Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ), где нашло себе место и востоковедение в виде учреждения соответствующих кафедр: в 1933 г. учреждается кафедра семитских языков и литератур; осенью 1934 г. организуется кафедра тюркомонгольских языков, восстанавливается кафедра иранской филологии и др.

В 1937 г. ЛИФЛИ, в котором к тому времени осталось только два факультета — литературный и лингвистический, вошел в состав университета на правах филологического факультета, на котором востоковедение получило права гражданства и стало успешно развиваться, особенно после 1939 г., когда деканом факультета стал А. П. Рифтин (1900—1945).

Имея в виду обеспечить дальнейшее развитие востоковедения в СССР, улучшить подготовку востоковедов, Советское правительство во время Великой Отечественной войны приняло решение об организации в составе Ленинградского университета с начала 1944/45 учебного года восточного факультета⁸, на котором в числе прочих была учреждена кафедра тюркской филологии во главе с Н. К. Дмитриевым.

С октября 1920 по август 1938 г. в Ленинграде, кроме университета — ЛИЛИ — ЛИФЛИ, было еще одно специальное учебное заведение, в котором после закрытия факультета восточных языков (1919) объединились все профессора и препода-

⁷ «Обозрение преподавания на Факультете языкознания и материальной культуры (Ямфак) Ленинградского государственного университета на 1926—27 учебный год», [б. м.], [б. г.], стр. 32—34.

⁸ Приказ Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР № 39 от 5 февраля 1944 г., — «Бюллетень ВКВШ», 1944, № 5, стр. 15. Подробнее см.: «Востоковедение в Ленинградском университете», — «Уч. зап. ЛГУ», № 296, серия востоковедческих наук», 1960, вып. 13, стр. 26 и сл.

ватели названного факультета. Этим учебным заведением был Петроградский — Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ), именовавшийся до весны 1922 г. «Центральным»⁹. Первым директором института с сентября 1920 г. по апрель 1922 г. был известный востоковед В. Л. Котвич¹⁰; на этом посту его сменил видный тюрколог А. Н. Самойлович¹¹.

В составе преподавателей института были выдающиеся востоковеды: академики — В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской; профессора — В. М. Алексеев, А. П. Баранников, Б. Я. Владимирцов, А. И. Иванов, Н. И. Конрад, С. Е. Малов, А. А. Ромаскевич, А. Н. Самойлович, Г. Ф. Смыкалов¹². Это поставило институт в исключительно благоприятные условия, закрепив за ним первенствующее положение в системе подготовки востоковедных кадров¹³.

ЛИЖВЯ (с 1928 г. — Ленинградский восточный институт, ЛВИ) имел «своею целью подготовку: а) работников для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком и б) научных работников для востоковедных высших учебных заведений»¹⁴.

В ЛИЖВЯ — ЛВИ тюркологические дисциплины преподавались на двух разрядах:

⁹ Материалы по истории института (1. Постановление Совета Народных Комиссаров от 7 сентября 1920 г. «О центральном институте живых восточных языков» за подписью В. И. Ленина; 2. Докладная записка Факультета восточных языков Петроградского университета об учреждении Института; 3. Положение о Центральном Институте живых восточных языков; 4. Краткие отчетные сведения о Петроградском Институте живых восточных языков за 1920—1921 и 1921—1922 учебные годы; 5. Отчетные сведения по Петроградскому Институту живых восточных языков за 1922—1923 учебный год; 6. Состав научных работников Института; 7. Перечень обязательных для всех высших учебных заведений общественных дисциплин. Постановление СНК; 8. Устав Студенческого кружка по изучению Мусульманского Востока при Петроградском Институте живых восточных языков) см.: «Справочные сведения по Петроградскому Институту живых восточных языков (1920—1923 гг.)», Л., 1924, стр. 43—81.

¹⁰ О нем см.: «Memorial Władisław Kotwicz (1872—1944)», — «Rocznik Orientalistyczny», t. XVI (1950), Kraków, 1953.

¹¹ О нем см.: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), — НАА, 1963, № 2, стр. 243—264.

¹² См.: «Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 уч. год», Л., 1925, стр. 86—88.

¹³ См.: А. Н. Самойлович, Петроградский институт живых восточных языков, — «Новый Восток», 1922, № 1, стр. 458; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922», стр. 41—45; И. Кузьмин, Институт живых восточных языков, — «Восток», 1922, кн. I, стр. 109—110.

¹⁴ «Положение о Ленинградском Институте живых восточных языков», § 2, в кн.: «Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 уч. год», Л., 1925, стр. 12.

1) османско-турецком: В. Д. Смирнов (до 1922 г.), А. Н. Самойлович, Н. Н. Мартинович (до 1922 г.), К. Г. Вамбаки¹⁵; в середине двадцатых годов и позднее: Е. Э. Бертельс (история турецкой литературы), Х. Джемдет-заде, Н. А. Цветинович, В. О. Кауфман, В. М. Баронян, М. С. Михайлов, С. С. Джикия, А. Н. Кононов, Х. М. Цовикян, А. Салиев;

2) сартско-узбекском и киргизском: А. Н. Самойлович, С. Е. Малов (с 1923 г.), лектор А. Х. Аляви. В 1924 г. этот разряд был преобразован в туркестанский с отделениями: узбекским, киргизским, туркменским и таджикским¹⁶; в 1926—1927 гг. туркестанский разряд был переименован в среднеазиатский, здесь преподавали С. Е. Малов, П. П. Иванов, Қ. Қ. Юдахин, А. К. Боровков, Муса Ташмухамедов (литературный псевдоним — Айбек).

Одним из важных мероприятий по оказанию помощи республикам и областям Советского Востока в их культурном строительстве было создание при ЛИЖВЯ в 1924/25 учебном году Тюркологического, Монгольского и Яфетитологического семинариев, целью которых была подготовка «квалифицированных работников на поприще науки и просвещения из среды самого коренного населения восточных республик, даже имеющих большую культурную подготовку, но не знакомых как с методами европейской науки, так и с достижениями европейской ориенталистики в изучении той или иной страны Востока»¹⁷. Эти семинарии сыграли важную роль в подготовке ученых из числа представителей тюркоязычных и монгольязычных народов и народностей¹⁸.

3. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Старейшим научно-исследовательским востоковедным учреждением в России является Азиатский музей Академии наук (основан 11 ноября 1818 г.)¹⁹. 1 апреля 1930 г. Азиат-

¹⁵ «Справочные сведения по Петроградскому Институту живых восточных языков (1920—1923 гг.)», Л., 1924, стр. 12—14; 23, 25—26. Учебные планы см. стр. 35—36; 40—41.

¹⁶ «Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 уч. год», стр. 20. Учебные планы этих разрядов см. стр. 37—39, 42—44.

¹⁷ «Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 уч. год», стр. 8; Положение о семинарах см. там же, стр. 17—18; Объяснительная записка к проекту положения о семинарах, — там же, стр. 82—85; Обзорение преподавания на семинарах, — там же, стр. 98.

¹⁸ А. [Н.] Самойлович, Работа семинариев Ленинградского Института живых восточных языков, — «Новый Восток», 1926, № 13—14, стр. 45—46.

¹⁹ «История АН СССР», т. 2. 1803—1917, М.—Л., 1964, стр. 220—221.

ский музей вместе с существовавшей при нем Коллегией востоковедов, а также вместе с Институтом буддийской культуры (ИнБУК) и Туркологическим кабинетом (ТУРК) был преобразован в Институт востоковедения АН СССР (ИВАН), первым директором которого в 1930 г. по 1934 г. был С. Ф. Ольденбург.

После Октябрьской революции в составе Академии наук в соответствии с новыми задачами возникли новые учреждения, тесно связанные с востоковедением вообще и с тюркологией в частности: Комиссия по изучению племенного состава населения СССР (КИПС, 1917); Комиссия по изучению Якутской АССР (1924); Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (1926); Комиссия по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных республик и Бурят-Монгольской АССР²⁰.

В начале двадцатых годов на Северном Кавказе, в Дагестане, в Закавказской федерации, в Поволжье, Средней Азии, на Украине и в Сибири стали создаваться учебные и научно-исследовательские востоковедные учреждения. Важной политической проблемой, вставшей перед советской тюркологией, было создание письменности для бесписьменных народов и народностей и замена старого (арабского) алфавита новой азбукой. Эта жгучая проблема вызвала на местах острую идеологическую борьбу.

Замена арабского алфавита новым, более удобным, касалась прежде всего тюркских народов. С этой целью 22 июля 1922 г. в Баку был создан Комитет нового тюркского алфавита, который разработал основные принципы нового — латинизированного алфавита. Примеру Азербайджана последовали и другие тюркоязычные республики и области. В целях координации усилий по разработке и введению новых тюркских алфавитов в 1926 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА), который в 1929 г. был преобразован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР²¹.

В создании новых тюркских алфавитов, в решении многих практических вопросов, связанных с разработкой и практическим применением алфавитов на латинской основе, деятельное участие принимали ленинградские тюркологи: А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин.

²⁰ «Академия наук СССР за десять лет. 1917—1927», Л., 1927, стр. 5, 102—104; там же (стр. 140—154) статья С. Ф. Ольденбурга «Востоковедение».

²¹ Литературу по истории разработки и введения алфавитов для тюркских народов на латинской и русской основах см.: «Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», М., 1965, стр. 105—112.

Ленинградские востоковеды и в первую очередь тюркологи принимали деятельное участие в организации и проведении Первого тюркологического съезда в Баку (февраль—март 1926 г.), явившегося важной вехой в истории отечественной тюркологии²².

В середине двадцатых годов ленинградские тюркологи задумали осуществить два мероприятия, которые могли бы сыграть очень важную роль в развитии тюркологии: перевести на русский язык известный труд Махмуда Кашгарского «Словарь тюркских языков» (С. Е. Малов, А. Э. Шмидт, К. К. Юдахин) и переиздать «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, для чего в Академии наук была создана комиссия под председательством В. В. Бартольда, членами комиссии были А. Н. Самойлович, С. Е. Малов и др.²³ К сожалению, эти два больших предприятия осуществить не удалось.

Развитие тюркологических исследований в Академии наук и в тюркоязычных республиках и областях требовало координации и кооперации усилий всех учреждений, ведущих исследовательскую работу в области тюркской филологии. Выявилась необходимость создания тюркологического центра. В апреле 1927 г. Академией наук была подана в СНК СССР составленная В. В. Бартольдом «Записка об учреждении Туркологического Института для систематизации и объединения тюркологических работ самой Академии и тех учреждений, которые пожелают объединить с нею свои тюркологические исследования»²⁴.

В результате этого представления в 1928 г. при Академии наук был создан Туркологический кабинет (ТУРК) во главе с В. В. Бартольдом; секретарем Кабинета состоял К. К. Юдахин²⁵.

Начиная с 1930 г. центром историко-филологических исследований в области востоковедения вообще и тюркологии в частности стал Институт востоковедения АН СССР. Проблемами тюркологии (преимущественно в историческом, лингвистиче-

²² «Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. 26 февраля—6 марта (1926)», стенографический отчет, Баку, 1926.

²³ А. Н. Самойлович, Переиздание «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, — ИАН, серия VI, 1927, № 18, стр. 1688—1694; е го же, Об «Опыте словаря тюркских наречий» академика В. В. Радлова и о проекте его переиздания, — «Изв. восточного ф-та Азербайджанского гос. университета. Востоковедение», Баку, 1929, т. 3, стр. 1—6; Комиссия по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Проспект, Л., 1928.

²⁴ «Академия наук СССР за десять лет. 1917—1927», стр. 144—145. Записка В. В. Бартольда хранится в ЛО ААН СССР, см.: Протоколы ОИФ за 1927, стр. 43—44.

²⁵ О деятельности ТУРК в 1928 г. см.: «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г.», Л., 1929, стр. 91—93.

ском и литературоведческом отношении) занимались здесь сотрудники двух кабинетов — Турецкого и Среднеазиатского²⁶, — которыми руководил А. Н. Самойлович, директор ИВАН с 1934 по 1937 г. Из довольно многочисленного штата сотрудников названных кабинетов вопросами тюркской филологии в тридцатых-сороковых годах в Среднеазиатском кабинете занимались А. К. Боровков (1904—1962)²⁷, С. Л. Волин²⁸ и О. И. Иванова-Шацкая, в Турецком — А. Н. Кононов. Были тюркологи и в Рукописном отделе ИВАН. Фонд тюркских рукописей собрания ИВАН до Великой Отечественной войны обрабатывали И. Н. Леманов (родился 12 марта 1871 г., погиб в Ленинграде в декабре 1941 г.), Г. Г. Гульбин (родился 4 февраля 1892 г., погиб в Ленинграде в конце декабря 1941 г.) и А. М. Мугинов (1896—1967).

Во время Великой Отечественной войны, в феврале 1942 г., основная часть сотрудников ИВАН была эвакуирована в Ташкент, где и продолжала свою работу. Тюркологи (А. К. Боровков, А. Н. Кононов, А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая) принимали деятельное участие в работе Института восточных рукописей (ныне Институт востоковедения) АН УзССР, Института языка и литературы АН УзССР, филологического факультета САГУ (ныне ТашГУ) им. В. И. Ленина.

1 июля 1950 г. Президиум АН СССР «в целях объединения научных кадров и коренного улучшения научной работы в области востоковедения, а также обеспечения руководства Институтом со стороны Президиума АН СССР. постановил просить Совет Министров СССР разрешить АН СССР: а) перевести Институт востоковедения из Ленинграда в Москву, б) ликвидировать Тихоокеанский институт АН и передать кадры этого Института Институту востоковедения»²⁹. 2 августа 1950 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР Президиум АН СССР принял решение перевести ИВАН в Москву и утвердил новую структуру Института, согласно которой ленинградские сотрудники Института объединились в Секторе (Музее) восточных рукописей³⁰. Из тюркологов в

²⁶ Подробнее см.: А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, М., 1960, т. XXV, стр. 284—286.

²⁷ Некролог А. К. Боровкова см.: НАА, 1963, № 2, стр. 265—267; Э. В. Севортян, Памяти А. К. Боровкова, — «ИАН СССР, серия лит-ры и языка», 1963, вып. 2, стр. 171—175.

²⁸ С. Л. Волин — историк по своим основным научным интересам — составил «Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях», см.: сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 203—235; перевод на турецкий язык, выполненный Расиме Уйгун, см.: «Türk Dili Araştırmaları Yılığı», Ankara, 1955, стр. 99—141.

²⁹ Протокол Президиума АН № 17 от 1.VII.1950, § 372.

³⁰ Протокол Президиума АН № 23 от 2.VIII.1950, § 421.

состав названного сектора вошли А. К. Боровков, А. С. Тверитинова (до 1952 г.), А. М. Мугинов, А. Н. Кононов, А. Х. Рафиков.

В октябре 1956 г. Сектор восточных рукописей был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения (с 1960 по 1969 г. — Института народов Азии), во главе которого стал И. А. Орбели (1887—1961)³¹. В это же время в числе других кабинетов был организован Тюрко-монгольский кабинет, в который входили А. Н. Кононов (заведующий), А. К. Боровков, А. М. Мугинов, Л. В. Дмитриева. Позднее кабинет пополнился историком С. Г. Кляшторным и филологами С. Н. Муратовым, А. Х. Нуриахметовым, Ю. А. Целуевой (Ли). В настоящее время кабинетом заведует С. Г. Кляшторный; сотрудники-тюркологи: А. Н. Кононов, С. З. Закиров, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева, Г. В. Сорокоумовская, Л. Я. Медведева, В. Г. Гузев.

В 1930 г. в связи с реорганизацией академических учреждений Яфетический институт (ранее — Институт яфетидологических изысканий Российской Академии наук; основан Н. Я. Марром в 1921 г.³²) был преобразован в Институт языка и мышления (ИЯМ) АН СССР, где в 1934 г. был организован Сектор тюркских языков, во главе которого стоял до конца дней своих С. Е. Малов³³; его сотрудниками в разное время были С. С. Джикия, А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова, А. М. Щербак.

В 1950 г. ИЯМ был реорганизован в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (ЛО ИЯз), в котором был создан Алтайский сектор, объединивший тюркологов (Е. И. Убрятова, А. М. Щербак, позднее к ним присоединились Н. И. Летягина, Л. Ю. Тугушева, И. В. Кормушин, Д. М. Насилов, Т. А. Боровкова, С. Н. Муратов, Л. В. Дмитриева, У. Ш. Байчура), тунгусоведов и монголистов.

Тюркское языкознание нередко получало, как получает и теперь, свое развитие в трудах этнографов, чему в значительной степени способствовало создание в 1878 г. при Академии наук Музея антропологии и этнографии, во главе которого с 1894 г. стоял В. В. Радлов³⁴. В советское время значительный вклад в тюркское языкознание (преимущественно область специальной лексики) внесли этнографы-тюркологи: Н. П. Дырен-

³¹ О нем см.: К. Н. Юзбашян, Академик Иосиф Абгарович Орбели, М., 1964, стр. 115.

³² «Востоковедение в Петрограде, 1918—1922», стр. 16—18.

³³ См.: Е. И. Убрятова, О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 10.

³⁴ См.: «Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова — 5 января 1907 года», СПб., 1907.

кова, А. А. Попов, С. И. Руденко, Л. П. Потапов, С. М. Абрамзон, А. Л. Троицкая, Л. Э. Каруновская, В. П. Курылев и др.

Некоторые лингвистические проблемы, главным образом лексико-терминологического характера, нередко находили себе место в трудах археолога А. Н. Бернштама³⁵ и нумизмата А. А. Быкова, сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа, единственного специалиста по османской нумизматике³⁶.

Образцом строго научного и высокохудожественного перевода одного из выдающихся тюркских эпических памятников является работа В. В. Бартольда (1869—1930) «Книга моего деда Коркута»³⁷.

4. ОБЪЕДИНЕНИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

Первым объединением русских востоковедов является Восточное отделение (или Отделение восточной археологии) Русского археологического общества (1846—1921). Датой основания Восточного отделения считается 13 апреля 1851 г., когда отделение провело свое первое заседание³⁸. Восточное отделение РАО сыграло важную роль в развитии русского востоковедения; особое значение ВО РАО приобрело с избранием в 1885 г. на пост председателя отделения В. Р. Розена³⁹.

Важное место среди востоковедных организаций занимает Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903—1919), учрежденный согласно постановлению XII (Рим, 1899) и XIII (Гамбург, 1902) Международных конгрессов востоковедов и признанный Центральным комитетом Международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии⁴⁰. Русским комитетом, формально состояв-

³⁵ О нем см.: С. П. Толстов, Александр Натанович Бернштам (1910—1956), — СЭ, 1957, № 1.

³⁶ См. его работы: «Монеты Турции XIV—XVII веков», Л., 1939; «Первый османский монетный двор», — «Труды Отдела Востока [Гос. Эрмитаж]», Л., 1939, т. 1, стр. 115—120.

³⁷ «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Пер. академика В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962.

³⁸ Н. И. Веселовский, История Имп. Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896, СПб., 1900, стр. 291.

³⁹ Подробнее см.: И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 139 и сл.

⁴⁰ С. Ф. Ольденбург, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, СПб., 1904 (отд. отт. ЖМНП), стр. 44; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922», стр. 19—20.

шим при Министерстве иностранных дел⁴¹, фактически руководила Академия наук. Председателем Русского комитета со дня основания был В. В. Радлов, а после его смерти (12 мая 1918 г.) — С. Ф. Ольденбург.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии оставил заметный след в истории русского востоковедения организацией и финансированием ряда археологических и этнолого-лингвистических экспедиций в Центральную, Среднюю и Малую Азию, Западный и Восточный Китай и др. Путешествия С. Е. Малова в Западный и Центральный Китай (1909—1911; 1913—1915), составившие по своим результатам эпоху в истории тюркологии, были осуществлены на средства Русского комитета⁴².

Русский комитет с момента своего основания оказывал постоянную материальную поддержку Э. К. Пекарскому для завершения работы над якутским словарем и издания его⁴³.

Коллегия востоковедов при Азиатском музее Академии наук (КВ, 1921—1930)⁴⁴, первоначально возникшая как объединение востоковедов Петроградского университета, сыграла важную роль в объединении петроградских — ленинградских востоковедов, заменив собою Восточное отделение Русского Археологического общества и продолжая его традиции; печатный орган общества «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» нашел свое продолжение в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее» (1925—1930; вышло пять томов). В деятельности КВ активное участие принимали ленинградские тюркологи В. Д. Смирнов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин, А. Л. Троицкая.

Радловский кружок при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (1918—1930). Стремясь сплотить и объединить немногочисленных петроградских тюркологов, Академия наук по представлению В. В. Бартольда в сентябре 1922 г. утвердила положение о Радловском кружке при Музее антропологии и этнографии Академии наук⁴⁵, тем самым легализовав кружок, фактически

⁴¹ Устав Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, § 2.

⁴² Подробнее см.: Е. И. Убрятова, О научной и общественной деятельности С. Е. Малова, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 8—10.

⁴³ См.: Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, т. I, Предисловие, стр. V.

⁴⁴ И. [Ю.] Кр[ачковский], Коллегия востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, — «Восток», 1922, № 1, стр. 107; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922», стр. 22.

⁴⁵ «Положение о Радловском кружке», — ИАН СССР, серия VI, 1922, стр. 139.

существовавший с июня 1918 г. (со дня собрания, посвященного памяти В. В. Радлова).

«Радловский кружок, — читаем в § 1 Положения, — имеет целью способствование развитию тех научных дисциплин, которыми была, главным образом, посвящена деятельность академика В. В. Радлова, т. е. филологии, этнографии и истории турецких (тюркских. — А. К.) народностей»⁴⁶.

Ассоциация тюркологов при ИВАН СССР (1934—1937). В начале тридцатых годов возникла новая форма объединения востоковедов, лишившихся в 1930 г. — после ликвидации Коллегии востоковедов — объединяющего их центра. Новой формой объединения стали отраслевые ассоциации востоковедов: одной из первых в январе 1934 г. была организована Ассоциация арабистов во главе с И. Ю. Крачковским; в том же году возникла Ассоциация тюркологов, которую возглавил А. Н. Самойлович. Ассоциация тюркологов в отличие от Ассоциации арабистов не стала активно действующим отраслевым центром, объединяющим ленинградских тюркологов, так как ограничила свою деятельность эпизодическими собраниями со случайной повесткой.

Комиссия содействия научным связям с Турцией — КСОНСТ (1933—1937), которую возглавил Н. Я. Марр, а после его кончины (1934) А. Н. Самойлович, не оставила сколько-нибудь заметного следа в истории изучения Турции советскими учеными.

Семинар ленинградских тюркологов (председатель А. Д. Новичев), созданный в 1955 г., объединяет всех ленинградских тюркологов — языковедов, историков, литературоведов, этнографов.

5. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ТЮРКОЛОГОВ-ЯЗЫКОВЕДОВ

01. Изучение и издание памятников тюркской письменности в Петербурге — Ленинграде имеет длительную традицию, начало которой было положено ученой деятельностью О. И. Сенковского, А. К. Казем-бека, В. В. Вельяминова-Зернова, И. Н. Березина, В. Д. Смирнова, П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова, С. Е. Малова, А. Н. Самойловича.

В послеоктябрьскую эпоху внимание к изданию памятников на первых порах несколько ослабло, что было связано с необходимостью для ленинградских тюркологов принимать участие в решении ряда практических вопросов: разработка новых алфавитов и связанных с ними проблем (см. выше).

⁴⁶ Там же, стр. 139.

Тюркологом (многие годы — единственным в Советском Союзе!), постоянно занимавшимся изучением памятников рунической, уйгурской и арабской письменности, был С. Е. Малов (1880—1957)⁴⁷, питомец факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1904—1909), ученик В. В. Радлова, работавший в Петрограде — Ленинграде с 1922 г. до конца своих дней.

Трудами, заботами, педагогической деятельностью С. Е. Малова поддерживалась старая традиция русской тюркологии в изучении памятников тюркской письменности. Эта важная отрасль тюркологии получила свое дальнейшее развитие в трудах С. Е. Малова и в трудах его учеников (Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак).

А. Н. Самойлович, много занимавшийся в начале своей научной деятельности изучением и изданием памятников (вспомним, например, его магистерскую диссертацию «Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX в.», СПб., 1914; «Собрание стихотворений императора Бабура», Пг., 1917), сохранил интерес к этому аспекту тюркологической работы до конца дней (см. список его трудов)⁴⁸, но он не стал, как для С. Е. Малова, делом всей его жизни. А. Н. Самойлович работал в различных областях тюркологии: филология в широком значении, языкознание, литературоведение, фольклор, история, этнография.

В числе питомцев факультета восточных языков, а позже в числе его приват-доцентов был П. А. Фалев (1888—1922)⁴⁹, который обладал обширными тюркологическими познаниями, из-за ранней смерти только частично, к сожалению, реализовавшимися в научных трудах.

Учеником С. Е. Малова и А. Н. Самойловича был А. К. Боровков, проявивший интерес к истории узбекского языка в связи с творчеством А. Ҷавои и к истории тюркской лексики, что нашло свое отражение в следующих его работах: «„Бада’и’ ал-лугат“». Словарь Ғали’ Ғимāнӣ Гератского к сочинениям Алишера Навои» (М., 1961); «Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв.» (М., 1963).

⁴⁷ О нем см.: Е. И. Убрятова, О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 5—22 (список трудов — стр. 22—30); е е же, С. Е. Малов. К 75-летию со дня рождения, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1955, № 1, стр. 93—98; е е же, С. Е. Малов. К восьмидесятилетию со дня рождения, — в кн.: «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 43—55.

⁴⁸ Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович, — НАА, 1963, № 2, стр. 253—263.

⁴⁹ О нем см.: А. Э. Шмидт, Проф. П. А. Фалев (некролог), — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2; Б. В. Лунин, Жизнь и труды востоковеда-тюрколога П. А. Фалева (к 45-летию со дня смерти), — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1967, № 9, стр. 43—48.

В изучение памятников древнеуйгурской и староузбекской письменности внес свой вклад А. М. Щербак: «Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности», М., 1959.

А. Н. Кононов издал два сводных текста: «Алишер Навои. Возлюбленный сердце» (М. — Л., 1948); «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского» (М. — Л., 1958; с историко-филологическими примечаниями и грамматическим очерком).

А. С. Тверитинова и Ю. А. Петросян издали старотурецкий текст (XVII в.) сочинения боснийца Хюсейна-эфенди «Беда'и' ул-века'и' (Удивительные события)» (М., 1961, части 1 и 2), снабдив текст введением (А. С. Тверитинова), аннотированным оглавлением и указателями (Ю. А. Петросян).

Превосходный список «Дивана» Алишера Навои, хранящийся в рукописной коллекции ЛО ИНА, издан Л. В. Дмитриевой (М., 1964).

Сказанное свидетельствует о традиционном интересе ленинградских тюркологов к изучению и изданию памятников. Многого еще надлежит сделать в этой области, в частности крайне необходимо совершенствовать методику подобных исследований. причем важное место в этой работе занимает и техника филологического исследования, которая далеко не всегда удовлетворяет современным требованиям.

02. Изучение фонетического и грамматического строя современных тюркских языков, широко развернувшееся после Октября, опиралось на длительную историю, начало которой было положено на рубеже XVIII—XIX вв. Все ленинградские тюркологи вне зависимости от их основных научных устремлений принимали деятельное участие в фонетико-грамматическом изучении современных тюркских языков.

С. Е. Малов наряду с исследованием памятников тюркской письменности занимался и современными языками во время своих путешествий в Центральную Азию, Центральный и Западный Китай (1909—1911; 1913—1915) и Каракалпакию (1930), оставив неизгладимый след в этой области тюркологии. Он является пионером изучения языка желтых уйгуров⁵⁰, лобнорцев⁵¹, уйгуров⁵². Он одним из первых стал заниматься изучением каракалпакского языка⁵³.

⁵⁰ С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика, Алмата, 1957; его же, Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы, М., 1967.

⁵¹ С. Е. Малов, Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь, Фрунзе, 1956

⁵² С. Е. Малов, Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь, М.—Л., 1954; его же, Уйгурские наречия Синцзяна. Тексты, переводы, словарь, М., 1961.

⁵³ С. Е. Малов, Заметки о каракалпакском языке, Нукус, 1966.

Основное место в научной деятельности С. Е. Малова занимают памятники рунической и уйгурской письменности; здесь его интересовали прежде всего установление текста, его чтение (транскрипция), перевод и словарь памятника. Что касается фонетико-грамматической части его исследований, то они всегда ограничивались самыми общими и краткими замечаниями, которые, как правило, освещали лишь основные характерные черты издаваемого текста, оставляя без внимания синтаксис, а часто и фонетику. Зато лексике уделялось всегда особое место, в силу чего словари С. Е. Малова, составленные на основе текстов памятников или его собственных записей лингвистического материала, вошли в золотой фонд тюркской лексикографии: среди словарных работ С. Е. Малова особого упоминания заслуживают словари в книгах «Памятники древнетюркской письменности» (М. — Л., 1951), «Язык желтых уйгуров» (Алма-Ата, 1957). Его картотека древнетюркской лексики составила основу «Древнетюркского словаря» (Л., 1969), о котором речь пойдет ниже. С. Е. Малов предложил оригинальную классификацию тюркских языков, основывающуюся на хронологическом принципе⁵⁴.

А. Н. Самойлович, ученик П. М. Мелиоранского и В. В. Радлова, внес значительный вклад в одну из труднейших областей лингвистического исследования — в классификацию тюркских языков («Некоторые дополнения к классификации тюркских языков», Пг., 1922); ему же принадлежат грамматики двух тюркских языков («Опыт краткой крымско-татарской грамматики», Пг., 1916; «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка», Л., 1925), первая из них до последнего времени⁵⁵ являлась единственным обстоятельным описанием грамматического строя названного языка.

С 1925 г. начинается научно-педагогическая деятельность питомца Лазаревского института восточных языков и Московского института востоковедения, ученика С. Г. Церуниана Н. К. Дмитриева (1898—1954)⁵⁶ в Ленинграде, которая продолжалась здесь до начала Великой Отечественной войны; после окончания войны Н. К. Дмитриев бывал в Ленинграде лишь кратковременными наездами, хотя до 1 января 1948 г.

⁵⁴ С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, — в кн.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 5—8; то же: ИАН СССР, ОЛЯ, 1952, № 2.

⁵⁵ См. теперь: Э. В. Севортян, Крымско-татарский язык, — «Тюркские языки», М., 1966 («Языки народов СССР», т. 2), стр. 234—259; Gerhard Doerfer, Das Krimtatarische, — PhTF, t. I, 1959, стр. 369—390.

⁵⁶ О нем см.: Э. В. Севортян, Из истории развития советской тюркологии (Памяти Н. К. Дмитриева), — ИАН СССР, ОЛЯ, 1955, № 2, стр. 156—169; его же, Н. К. Дмитриев и советская тюркология, — ВЯ, 1956, № 3, стр. 101—107.

руководил кафедрой тюркской филологии восточного факультета ЛГУ. Его сменил на этом посту С. Е. Малов.

Н. К. Дмитриев, приглашенный в 1925 г. Ленинградским институтом живых восточных языков для преподавания турецкого языка, в следующем, 1926 г. начал педагогическую деятельность на кафедре тюркской филологии Ямфака (см. стр. 8).

В первый же год своего пребывания в Ленинграде Н. К. Дмитриев был «приглашен в Азиатский музей на временную работу по разбору периодических изданий на турецких диалектах с 1 декабря 1925 г. с оплатой 60 руб. в месяц»⁵⁷. 1 апреля 1926 г. Н. К. Дмитриев зачислен в штат Азиатского музея⁵⁸, где с 1927 г. он — научный сотрудник II разряда, с 15 февраля 1929 г. — научный сотрудник I разряда⁵⁹; 10 февраля 1931 г. освобожден от обязанностей научного сотрудника ИВАН СССР⁶⁰.

Одновременно с работой по совместительству в Азиатском музее — Институте востоковедения АН СССР Н. К. Дмитриев преподавал тюркские языки в Ленинградском институте живых восточных языков — Ленинградском восточном институте (с 1925 по 1938 г.) и Ленинградском государственном университете (с 1926 по 1948 г., с перерывом в 1941—1945 гг.).

Н. К. Дмитриев в истории русской тюркологии является вторым, после П. М. Мелиоранского, чистым лингвистом, который все свое внимание отдавал проблемам тюркского языкознания, проблемам фонетики и грамматики тюркских языков, хотя, как почти всякому востоковеду, ему не были чужды занятия и диалектологией, и лексикографией, и лексикологией, и фольклором, и историей русской тюркологии.

Будучи лингвистом *par excellence*, Н. К. Дмитриев вошел в историю русской тюркологии своими исследованиями по грамматике кумыкского, башкирского, турецкого, карачаево-балкарского, азербайджанского, туркменского и чувашского языков.

Н. К. Дмитриев — выдающийся советский тюрколог, оставивший в истории тюркологии глубокий след как своими трудами, так и своей школой: его ученики работают, вероятно, во всех научных учреждениях, где занимаются тюркским языкознанием.

А. К. Боровков, автор таких работ, как «Учебник уйгурского языка» (Л., 1935), «Очерки по карачаево-балкарской грамматике» (в кн.: «Языки Северного Кавказа и Дагестана», М. — Л., 1935, стр. 11—40), «Узбекский литературный язык в период

⁵⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 77.

⁵⁸ Там же, ед. хр. 91.

⁵⁹ Там же, ф. 152, 1929, ед. хр. 1.

⁶⁰ Там же, ф. 152, 1931, оп. 1, ед. хр. 1.

1905—1917 гг.» (Л., 1941), «Грамматика узбекского языка» (Ташкент, 1943, 1952, 1957), преподавал уйгурский и узбекский языки в Ленинградском восточном институте (1928—1938), проявлял интерес также к тюркскому литературоведению и фольклору.

В истории составления учебных пособий по турецкому языку и преподавания турецкого языка видное место занимает талантливый педагог, питомец Стамбульской учительской семинарии, доцент Ленинградского восточного института (с 1926 по 1937 г.) и Ленинградского университета (с 1933 по 1937 г.) Хикмет Джевет-заде (1893—1945), автор «Турецкой хрестоматии (со словарем)» (Л., 1931), «Грамматики современного турецкого языка» (Л., 1934; в соавторстве с А. Н. Кононовым) и ряда учебных пособий, изданных стеклографическим способом Ленинградским восточным институтом. В соавторстве с Х. М. Цовикьяном, С. С. Джикия и А. Н. Кононовым Х. Джевет-заде составил «Турецкую общественно-политическую хрестоматию» (ЛВИ, 1935, стеклогр. изд.).

Х. М. Цовикьян (родился в Турции в 1900 г., погиб в Ленинграде 7 февраля 1942 г.) — историк Турции, преподаватель турецкого языка в ЛВИ, составил хорошо подобранные «Образцы турецкой художественной литературы» (ЛВИ, 1938, стеклогр. изд.).

Изучением грамматического строя тюрков Крайнего Севера — долган и якутов много лет занимается Е. И. Убрятова, автор известной работы «Исследования по синтаксису якутского языка» (М. — Л., 1950) и ряда статей по якутоведению. Е. И. Убрятова получила основную научную подготовку в Ленинграде под руководством С. Е. Малова.

Известно, что многие языки первоначально изучались не языковедами, а представителями дисциплин, которые вынуждены изучать язык для достижения своих целей, часто далеких от языкознания; в числе последних нередко оказывались и оказываются этнографы. Этнограф часто неотделим от языковеда; вспомним А. Кастрена, В. И. Вербицкого, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, С. Е. Малова и многих других.

К числу этнографов-лингвистов принадлежала талантливая исследовательница, научный сотрудник Института этнографии АН СССР Н. П. Дыренкова (родилась в 1899 г., погибла в Ленинграде 28 октября 1941 г.), автор грамматик ойротского (1940), шорского (1941) и хакасского (1948) языков, которые и поныне служат основными пособиями по этим языкам.

Среди языковедов ленинградской тюркологической школы послевоенного периода следует назвать А. М. Щербака, С. Н. Иванова, А. П. Векилова, В. Г. Кондратьева, Л. Ю. Тугушеву, С. Н. Муратова, Л. В. Дмитриеву, Н. И. Летягину,

В. Г. Гузева, И. В. Кормушина, Л. Я. Медведеву, Н. И. Шамилову и др.

03. История тюркских языков, сравнительное и сравнительно-историческое изучение тюркских языков. В истории отечественного востоковедения дооктябрьского периода эти темы только намечались, хотя и осознавались как первоочередные. Наиболее ярким представителем сравнительного языкознания того периода был индолог и тюрколог О. Н. Бётлингк, впервые применивший методы сравнительного языкознания к тюркским языкам в своей и поныне знаменитой работе «О языке якутов». Последующие авторы, даже составители очень обстоятельной «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869), не воспользовались опытом Бётлингка.

Новый этап в развитии сравнительного и сравнительно-исторического изучения тюркских языков (как и вообще в тюркологии) начинается в последней трети XIX в., когда стали публиковаться одна за другой работы В. В. Радлова: «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, T. I. Phonetik» (Leipzig, 1882—1883); «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen» (ЗАН, сер. VIII, 1906, т. VII, № 7) и другие труды, которые явились фундаментом для дальнейшего прогресса в этих областях тюркологии.

Труд Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка», резко осужденный — без достаточных оснований — П. М. Мелиоранским, хотя и не продолжает линии исследований, намеченной В. В. Радловым, является полезным справочником, в котором дается последовательное сопоставление — перечисление грамматических средств почти всех известных тюркских языков.

Что касается истории отдельных тюркских языков, то дореволюционная тюркология в этой области не может похвастаться ничем, кроме этюдов В. В. Радлова. Отечественная тюркология того периода дала ряд солидных изданий тюркских памятников (В. В. Радлов, К. Г. Залеман, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов), но историческая грамматика (и отдельных языков, и семьи в целом) лишь ставилась как задача на будущее.

В послеоктябрьскую эпоху, с конца двадцатых годов и до начала пятидесятых годов, т. е. в течение всего периода господства так называемого «нового учения о языке», сравнительное и сравнительно-историческое изучение тюркских языков не практиковалось.

Изучение истории отдельных тюркских языков в плане отдельных проблем находило свое отражение в работах А. Н. Самойловича, П. А. Фалева, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева и др.

Наибольшее внимание уделялось изучению истории узбекского языка (А. К. Боровков, А. М. Щербак).

Сравнительное изучение фонетики тюркских языков представлено исследованиями А. М. Щербака⁶¹.

04. Тюркская диалектология. Тюркские диалекты изучаются более ста лет; начало их изучению положил В. В. Радлов. Однако только в последнее десятилетие тюркская диалектография начинает перерастать в тюркскую диалектологию, чему, конечно, в немалой степени способствовало то внимание, которое уделяется изучению диалектов на местах.

Почти все ленинградские тюркологи принимали и принимают участие в собирании и изучении диалектального материала. Ученники В. В. Радлова — А. Н. Самойлович и С. Е. Малов, продолжая и развивая традиции своего учителя, внесли солидный вклад в изучение тюркских диалектов. Много сделали для развития этой отрасли тюркского языкознания Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин, А. К. Боровков, О. И. Иванова-Шацкая, Е. И. Убрятова; изучением турецких диалектов Малой Азии и их преподаванием занимается А. П. Векилов (восточный факультет ЛГУ). Изучением одного из говоров болгарских турок занимался В. Г. Гузев. Значительный вклад в разработку трудных проблем, связанных с созданием атласа тюркских диалектов, внес В. М. Жирмунский; ему же принадлежит ряд блестящих работ по эпосу тюркоязычных народов, по тюркскому стихосложению и о частях речи в тюркских языках⁶².

05. Тюркская лексикография и лексикология. Основное внимание в дореволюционной отечественной тюркологии уделялось тюркской лексикографии; собирание материалов по тюркской лексике началось очень давно. В XIX—начале XX в. отечественная тюркология достигла выдающихся, всем миром признанных успехов в составлении словарей (см. стр. 6). В советское время (1930 г.) было закончено печатание знаменитого якутского словаря Э. К. Пекарского.

Из ленинградцев старшего поколения (кроме Э. К. Пекарского) особое внимание лексикографии, как сказано выше, уде-

⁶¹ А. М. Щербак, О тюркском вокализме, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 24—40; его же, О тюркском консонантизме, — ВЯ, 1964, № 5, стр. 6—35; его же, О фонологической оппозиции гласных по признаку раствора в тюркских языках, — НАА, 1966, № 1, стр. 121—128.

⁶² В. М. Жирмунский, О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза, — ВЯ, 1963, № 6, стр. 3—19; его же, О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 54—63; его же, Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1945, № 3—4, стр. 111—127.

лял С. Е. Малов, словари которого к древнетюркским памятникам являются образцом лексикографического метода. Словарной работе уделял известное внимание и Н. К. Дмитриев.

Узбекские словари последних двадцати—двадцати пяти лет, как правило, издавались под редакцией А. К. Боровкова.

К списку изданных в Ленинграде тюркских словарей в 1969 г. прибавился «Древнетюркский словарь» (VIII—XIII вв.) — огромный лексикографический труд, подготовленный группой сотрудников алтайского сектора ЛО ИЯз АН СССР под руководством и при участии В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака.

Тюркская лексикология в отличие от тюркской лексикографии в истории отечественной тюркологии не имеет сколько-нибудь прочных традиций, и только в последние годы на материале тюркских языков начинают появляться заслуживающие внимания работы. Поддерживается проявившийся в начале нынешнего века интерес к восточным, тюркским заимствованиям в русском языке (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, В. А. Гордлевский).

Интересным по приемам и важным по результатам лексикологическим исследованием является работа А. Н. Самойловича «Богатый и бедный в тюркских языках» (ИАН ООН, 1936, № 4, стр. 21—66).

Лексика среднеазиатского тefsира нашла своего исследователя в лице А. К. Боровкова («Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв.», М., 1963).

Особого внимания заслуживает статья А. М. Щербака «Названия домашних и диких животных в тюркских языках» (в сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961), в которой впервые в русской тюркологической практике использован прием широкого сравнения лексики.

С недавних пор в Ленинграде одной из актуальных тем стала проблема «алтайской общности» или «алтайской гипотезы», которая находит поддержку (с разных, правда, позиций) у большинства ленинградцев, занимающихся тюркскими и тунгусскими языками; об этом свидетельствует наличие в составе ЛО ИЯз алтайского сектора. Особую позицию занимает А. М. Щербак, который свои воззрения на эту важную проблему изложил в серии статей⁶³.

⁶³ А. М. Щербак, Об алтайской гипотезе в языкознании, — ВЯ, 1959, № 6, стр. 51—63; его же, О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой), — XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960; его же, Работы Дж. Клосона по алтаистике, — НАА, 1963, № 3, стр. 150—153; его же, О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков — ВЯ, 1966, № 3, стр. 21—35.

06. Описание тюркских рукописей. Этот вид лингвистико-филологического исследования, требующий обширных, часто энциклопедических, знаний, в петербургской — ленинградской традиции лишь эпизодически привлекал внимание ученых (Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, В. Д. Смирнов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, П. А. Фалев).

После Октябрьской революции восточные рукописи Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД, Библиотеки Зимнего дворца и некоторых других учреждений были сосредоточены в Азиатском музее (теперь ЛО ИВАН) АН СССР. К планомерному описанию коллекций восточных рукописей ЛО ИВАН приступили в начале пятидесятых годов нынешнего столетия.

В конце пятидесятых годов в Тюрко-монгольском кабинете ЛО ИВАН была создана бригада для описания тюркских рукописей в составе: А. М. Мугинов, Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов, А. Х. Нуриахметов, в результате усилий которых уже изданы две работы⁶⁴.

Коллекцию арабских, таджикских, персидских и тюркских рукописей восточного факультета ЛГУ описывает и исследует А. Т. Тагирджанов⁶⁵.

6. ЛЕНИНГРАД КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ТЮРКОЛОГОВ

Петроградский — Ленинградский университет (восточный факультет — кафедра тюркской филологии), Ленинградский восточный институт с его тюркологическим семинарием (см. стр. 8—10), ИВАН — ЛО ИВАН, ИЯМ — ЛО ИЯз сыграли в свое время и продолжают играть важную роль в подготовке кадров тюркологов.

В целях иллюстрации этого положения позволяю себе напомнить, что среди питомцев ленинградской тюркологической школы, работавших и ныне работающих не в Ленинграде, ученики В. В. Бартольда, В. Д. Смирнова, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, А. К. Боровкова и др.: М. С. Михайлов, С. С. Джикия, Э. В. Севортян, Е. И. Убрятова, А. С. Тверитинова, И. И. Умняков, Н. Т. Сауранбаев, С. К. Кенесбаев, С. Аманжолов, А. Х. Маргулан, М. Б. Балакаев, М. Ш. Ширалиев, А. А. Демирчизаде, И. А. Маманов, Х. Ками-

⁶⁴ А. М. Мугинов, Описание уйгурских рукописей Института народов Азии, М., 1962; Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов, Описание тюркских рукописей Института народов Азии, I. История, М., 1965.

⁶⁵ А. Т. Тагирджанов, Список таджикских, персидских и тюркских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ (продолжение списков К. Г. Залемана и А. А. Ромаскевича), М., 1967, стр. 19.

лова, Ф. К. Камалов, Ф. А. Абдуллаев, З. М. Магруфов, Н. С. Григорьев, Г. А. Никифоров, Э. Р. Тенишев, Л. Т. Махмутова, Л. А. Покровская, Л. О. Алькаева, Г. И. Донидзе, И. Р. Сони́на, М. Худайкулиев, Д. И. Чанков, М. И. Боргояков, А. Г. Эйвазов, А. Г. Азизова, Ф. А. Салимзянова, А. Дж. Шукюров и многие другие.

7. ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

За пятьдесят лет ленинградские тюркологи, как и их коллеги в других городах Советского Союза, несмотря на отсутствие центра, направляющего тюркологическую работу в единое русло по строго определенному плану, добились очевидных успехов как в своей исследовательской, так и педагогической деятельности. Следует при этом отметить, что ленинградские — как и все советские — тюркологи неизменно имели своей целью служить интересам отечественной тюркологии (научной и практической), способствуя по мере своих сил и возможностей глубокому изучению всех тюркских языков.

Наши успехи бесспорно могли бы быть солиднее по объему и весомее по их научному значению, если бы ленинградские тюркологи могли определить основные насущные проблемы и составить единый план исследований, который позволил бы объединить усилия всех тюркологов, работающих в городе на Неве, что в свою очередь позволило бы теснее объединиться с тюркологами Москвы и других городов Советского Союза.

Первоочередные задачи отечественного тюркского языкознания были определены еще на рубеже XIX и XX вв.: «Создание сравнительной исторической грамматики турецкого языка (тюркских языков, как сказали бы советские тюркологи. — А. К.) со всеми ее многочисленными разветвлениями есть несомненно одна из основных задач тюркологии»⁶⁶. Здесь же были указаны пути и способы достижения этой цели.

Ленинградская тюркология наряду с общими задачами, которые ее объединяют в единое целое со всей советской тюркологией, имеет и свои частные задачи, которые определяются наличием в Ленинграде весьма большой коллекции тюркских рукописей (ЛО ИВАН, восточный факультет ЛГУ, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственный Эрмитаж), которые должны быть систематизированы, а лучшие из них детально изучены и изданы; в этой связи достаточно упомянуть собрание древнеуйгурских руко-

⁶⁶ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. 1.

писей (коллекции С. Ф. Ольденбурга, С. Е. Малова и др.), давно ждущих обстоятельного описания и изучения.

Наличие в Ленинграде немногочисленного, но достаточно опытного, квалифицированного и преданного своему делу отряда тюркологов позволяет надеяться, что его деятельность в новом пятидесятилетии будет еще успешнее и плодотворнее.